

Орловы-Соколовы. Людмила Евгеньевна Улицкая ulitskaya.ludmila.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://ulitskaya.ludmila.ru/> приятного чтения!

Орловы-Соколовы. Людмила Евгеньевна Улицкая

С первого взгляда они как-то не читались, оба малорослые, не особенной внешности, занятые друг другом до полной замкнутости. Зато со второго взгляда открывалось, что они-то и есть самые главные. После второго взгляда даже было невозможно вернуться к первому и вспомнить, какое же они тогда производили впечатление. К тому же никто на факультете не помнил того времени, когда они еще не были вместе. Познакомились они еще на вступительных экзаменах, хотя сдавали в разных потоках. Зато, когда сдали экзамены, еще до окончательного объявления о зачислении, пока все абитуриенты считали баллы и полубаллы, они уехали вдвоем к нему на дачу и вернулись ровно двадцать первого июля, прямо к этой чертовой доске, возле которой трепетали все, кроме троих. Третьим лицом была незначительная зубрилка Тоня Колосова, племянница декана, о чем узнали впоследствии. Излишне говорить, что остальные двое были они, Андрей Орлов и Таня Соколова.

Их имена шли им удивительно, да и между собой они так быстро слепились, что очень скоро их стали звать Орловы-Соколовы.

За те пять дней, что они провели на даче, вылезая из постели, только чтобы сходить в поселковый магазинчик за вином и незамысловатой едой, они выяснили, что по пальцам можно пересчитать то, в чем они были несхожи: Таня слушала классику, Андрей любил джаз, он любил Маяковского, а она его терпеть не могла. И последнее, пожалуй, совсем смехотворное: он был сластена, а для нее лучшим лакомством был соленый огурец.

Во всех прочих пунктах обнаружилось полное совпадение: оба полукровки, евреи по материнской линии, обе матери – смешная деталь – врачи. Правда, Танина мать, Галина Ефимовна, растила ее в одиночку и жили они довольно бедно, в то время как семья Андрея была вполне процветающая, но это компенсировалось тем, что на месте отсутствующего отца наличествовал отчим, отношения с которым были натянутыми. Поэтому семейное благосостояние и весьма обильные по тем временам материальные блага, через мать на Андрея изливавшиеся, унижали Андреево мужское, рано проснувшееся достоинство. С пятнадцати лет мальчик из профессорской семьи подфарцовывал на "плешке" и зарабатывал криминальные карманные деньги на женских часах типа "крабы" и американских джинсах, только-только начавших свое триумфальное шествие от Бреста до Владивостока.

В этой точке Андреевой исповеди Таня зашлась от смеха:

- Труд и капитал!

Ее бизнес лежал в смежной области, – в то самое время, пока он сбывал джинсы, она производила самостроковые рубашки типа "button down", пришивала к ним "лейбела", и, теоретически рассуждая, те самые молодые люди, которые уже доросли до джинсового уровня, должны были с неизбежностью столкнуться с проблемой "правильной" рубашки с пуговками о четырех – а не на двух! дырочках на воротнике и петелькой на спинке.

Шила их Таня в три размера, без примерки. Если не отрываясь работала с утра до вечера – обычно это происходило по воскресеньям, – то успевала "сострокать" четыре штуки. Четырежды пять – двадцать. С пятнадцати лет денег у матери не брала, перешла на самообслуживание,

А спорт? Да, спорт, конечно. Оба занимались. Андрей боксом, Таня гимнастикой. И оба бросили в одно и то же время, когда надо было решаться на профессиональную карьеру. Андрей успел получить первый разряд, стал кандидатом в мастера, вошел в сборную Москвы для юниоров, в мушкетерском весе. Таня бросила чуть раньше, на подходе к первому разряду. Ей хватило.

В начале четвертого дня – или ночи – их совместной жизни они признались друг другу, что всегда предпочитали рослых партнеров: рост у обоих был никудышный, безнадежно левосторонний.

- Значит, я не в твоём вкусе? – хмыкнула Таня.

- Нет, не в моем. Мне всегда ужасные дыны нравились...

- Да и мне тоже. И ты не в моем вкусе, - хохотала Таня.

В этой точке обнаружилась их прямолинейная простота, с перебором даже. Можно было подумать, что оба они прошли огонь, и воду, и медные трубы. На самом деле кое-что было, но в ограниченном количестве, скорее даже обозначено... Однако все-таки опыта человеческого у них было достаточно, чтобы оценить те высокой пробы совпадения, какие бывают лишь у близнецов: все вдохи, выдохи, взлеты и падения, движения сквозь сон и минута пробуждения... Просыпались ночью и шли к холодильнику, - даже голод напал в одно и то же время. И они вцепились друг в друга, слились воедино, как две капли ртути, и даже лучше, - потому что полное соединение убило бы ту прекрасную разность потенциалов, которая и давала эти звонкие разряды, яркие вспышки, смертельную минуту остановки мира и блаженной пустоты...

Счастливики, которым принадлежало все: два маленьких спортивных тела, заряженные силой и молниеносными реакциями, острые и мускулистые мозги и самосознание победителя, еще не получившего ни единой царапины. И как глубоко это сидело в них - ведь оба ушли из спорта, именно подойдя к границам своих возможностей, за один шаг до неизбежного поражения. Теперь оба готовились сражаться на новом поле научной карьеры, в лучшем учебном заведении, на одном из самых сложных факультетов. Любое море было им по колено, и, казалось, само море заранее согласилось покорно плескаться у колен и выбрасывать к их ногам всяческие жемчужины...

Первый курс был тяжелым и громоздким - несколько общих дисциплин, огромное количество лекционных часов, лабораторные. Все экзамены за первый семестр они сдали на "отлично", подтвердили свой высокий класс и получили повышенную стипендию.

К этому времени на курсе уже не было людей, которые относились бы к ним равнодушно: одних они раздражали, других привлекали, у всех вызвали интерес. Они даже и одеты были как-то особенно, не как все.

В каникулы Таня сделала первый аборт, грамотный, медицинский, с редким по тем временам обезболиванием. В сущности, это была их первая общая неприятность, и вышли они из нее без видимых потерь, еще более сплоченными. Мысль о ребенке даже не приходила в их высокоорганизованные головы, это был абсурд, а вернее, болезнь, от которой надо поскорее избавиться. Мать Андрея, Алла Семеновна, женщина хорошая и без затей, принявшая деятельное участие в медицинском мероприятии, испытывала большее нравственное беспокойство, чем молодая парочка. Со своим вторым мужем детей они не нажили, и уж кто-кто, а Алла Семеновна знала, как удивительно сильна и капризно хрупка вся эта женская машинерия с микроскопическими просветами в тончайших трубочках, с розовым ворсистым эпителием, то жадно принимающим, то решительно отвергающим ту единственную клетку, из которой образовался и ее Андрей, и она сама, и тот ребенок, который будет когда-нибудь ее внуком.

Таня ей нравилась, хотя и пугала силой характера и независимостью. И еще тем, с каким доброжелательным равнодушием относилась к самой Алле Семеновне и ее знаменитому мужу, почти академику, Борису Ивановичу - как будто ей совершенно все равно было, как они к ней относятся.

- Они ведь, в сущности, очень между собой похожи, - делилась Алла Семеновна с мужем. - Они пара, Борис, пара.

Борис, поднимая скопческое белесое лицо от газеты, соглашался, слегка деформируя высказанную женой мысль:

- Ну да, два сапога - пара.

Он не сумел полюбить Аллиного ребенка, да особенно и не старался. Крестьянскому сыну, восьмому в бедняцкой семье, претило это еврейское задыхание над детьми.

Что же касается Галины Ефимовны, от которой тоже ничего не было скрыто, она перед дочерью благоговела, никогда не пыталась ею руководить и только диву

Орловы-Соколовы. Людмила Евгеньевна Улицкая ulitskaya@ludmila.ru
давалась, откуда у дочери такой сильный характер и яркие дарования.

Все-таки от Соколова, считала она, хотя в самом Соколове, давно ее бросившем, никаких таких достоинств она не замечала. Так или иначе, Галина Ефимовна месяца два тихонько плакала, поглядывала исподтишка собачьими глазами на дочь и все не могла понять, как это Таня в свои неполные девятнадцать лет ничего не боится, ничего не стыдится и, когда Галина Ефимовна намекнула дочери, что, может, надо бы с Андреем отношения оформить, та холодно пожала плечами:

- А это еще зачем?

Каникулы, само собой разумеется, были испорчены. Вместо того чтобы поехать, как прежде задумывали, кататься на горных лыжах, просидели неделю на даче, с большой осторожностью раскрывая объятия. Произшедшая неприятность не имела для них никакого морального знака, но внесла известные неудобства, которых хотелось бы в дальнейшем избегать.

Тем временем снова началось ученье, и притом нелегкое. Первый семестр они занимались вместе, либо в библиотеке, либо у Андрея дома. Оказалось, что, хотя задачи у них были одинаково круглые, голова у Андрея все-таки была побогаче - задачи он решал свободнее, интереснее, с большей внутренней подвижностью. Он не раз уязвлял Таню своим превосходством, и особенно остро именно тем, что удивлялся ее медлительности и косности. Привело это к легкой обиде с последующим примирением, но заниматься Таня стала отдельно, в своей коммуналке, с мамой под боком, при легком бурчании музыкальной программы.

Весеннюю сессию оба опять сдали на "отлично", и теперь их знали не одни только первокурсники - отметили и преподаватели восходящие звездочки. Одного только не хватало им для блестящего будущего: оба пренебрегали общественной деятельностью, причем пренебрегали не тихонько, в пассивной, так сказать, форме, а каким-то заметным и обидным для остальных образом. В этом пункте у них тоже не было ни малейших разногласий: государство было препоганейшим, общество разложившимся, но в этом обществе им предстояло жить, а жить они хотели на всю катушку, то есть в меру своих незаурядных способностей.

Вопрос состоял в том, до какой степени им предстоит прогибаться под системой и где они сами проведут грань, дальше которой отступать не будут. Оба они состояли, между прочим, членами Союза коммунистической молодежи, совершенно произвольно полагая, что это и есть та последняя Граница, дальше которой идти нельзя. Словом, все это были проблемы шестидесятников, возникшие не сами по себе, а просочившиеся к ним от людей типа Бориса Ивановича, бывшего фронтовика, человека честного, но осторожного, увлеченного в те годы атомной энергетикой, обещавшей мощь и процветание, а вовсе не бедственный позор. Наука представлялась таким людям наиболее свободной областью жизни, в чем еще всем предстояло глубоко разочароваться. Солженицына уже читали по враждебному радио, самиздат ходил по рукам, и Таня с Андреем легко и победоносно входили в ту двойную жизнь, которой жили кандидаты и доктора разнообразных наук.

Отработав производственную практику, две звездочки укатили путешествовать в Прибалтику и полтора месяца плавали в холодном море, засыпали на белом дистиллированном песке под благородными соснами, пили отвратительный рижский бальзам и танцевали на опасных танцплощадках Юрмалы. Потом их принял Вильнюс, и Литва показалась им привлекательней Латвии, может быть, потому, что здесь они познакомились с интересной московской компанией, лет на пять их постарше, и из этого пляжного преферансного общения потом развились долгие дружеские отношения. До самого окончания института все Новые года и дни рождения уже проходили в этом новом кругу молодого врача, начинающего писателя, физика из физтеха, уже ставшего тем самым, чем хотел стать со временем Андрей, молодой актрисы с восходящей, но так и не взошедшей окончательно славой, умницы философа, оказавшегося впоследствии стукачом, и супружеской пары, оставшейся в памяти как идеальная семья.

Осенью Таня сделала еще один аборт, все очень быстро и складно. Алла Семеновна на этот раз их пожурила, но все устроила. Таня была в их доме свой человек, и даже Борис Иванович, кроме дорогой своей Аллы и обеда ни на что не обращающий внимания, проникся к Тане симпатией: девка с головой. Из Америки, куда он поехал на какую-то конференцию, привез всем подарки. Тане - белые джинсы. Они были в самый раз, что удивительно. Довольная Танька крутилась перед зеркалом, Андрей,

Орловы-Соколовы. Людмила Евгеньевна Улицкая ulitskaya@ludmila.ru
хмыкнув, пошутил:

- Черт возьми, теперь придется жениться...

Таня перестала крутить задницей, повернула свою маленькую голову на длинной, сужающейся кверху шее и сказала даже несколько надменно:

- Не придется...

Шел уже третий год их общей жизни, о женитьбе разговор не возникал за ненадобностью: всеми преимуществами брака они в полной мере наслаждались, а недостатки, связанные с взаимной ответственностью и обязательствами, их не касались.

К этому времени Андрей уже уверенно шел впереди Тани, она за ним, в кильватере, на минимальном расстоянии, и почти с этим примирилась. Оценки уже не имели такого значения, что на младших курсах. Теперь все распределилось по кафедрам, по лабораториям, и уже появились первые публикации у самых активных. А кто выбрал себе более прямую карьерную тропу, те уже заседали в парткоммах, месткоммах и профкоммах, протоколили, голосовали и распределяли путевки, или осетрину, или билеты на кремлевскую елку.

Тане Соколовой и Андрею Орлову ничего из того, что там распределялось, и задаром было не нужно. Все, что им было нужно, они уже имели. И даже научные статьи по одной на каждого, но в соавторстве, вполне, разумеется, честном, с заведующим лабораторией. Их совместность, несмотря на независимые научные статьи, все укреплялась, потому что оба они, против ожидания, выбрали тихую кафедру, а никакую не модную теорфизику или ядерную. Кристаллография вольно располагалась на стыке физики, химии и даже математики. Таня возилась со спектрофотометрами, Андрей считал в Вычислительном центре по ночам на огромной вычислительной машине, которая в ту пору занимала целый этаж.

После четвертого курса было куплено четыре путевки в Болгарию на Золотые пески, и обе пары, молодые и старые, отбыли на отдых.

Отгуляв и отзагорав свое в Болгарии, в соседнем с родителями номере гостиницы, где с них не спросили никаких бумаг, кроме загранпаспортов без отметки о регистрации брака, они вернулись в Москву. Сделав очередной, ставший традиционным, осенний аборт, приступили к учебе. Галина Ефимовна на этот раз осмелилась высказаться в том смысле, что Андрей порядочная скотина. Таня этой темы не поддержала, но фыркнула:

- Сама разберусь, ладно?

Подошел последний год, замаячила аспирантура, и надо было набрать положенное количество очков, чтобы получить рекомендацию от той самой общественности, которую Орловы-Соколовы последовательно игнорировали. Танины псевдокожаные юбочки, сапоги до колен и прочую фурнитуру тоже нельзя было сбрасывать со счетов - это все тоже учитывалось некоторым отрицательным образом.

Толя Порошко, комсорг курса, третий угол треугольника, во всеуслышанье заявил, что готов все что угодно подписать, если в их рекомендациях будут написаны черным по белому слова: "в общественной жизни факультета никакого участия не принимает".

Толя был хохол из Западной Украины, после армии, злой красавец и дурак, к тому же с таким утонченным чутьем на кровь, что ни одному отделу кадров не снилось. Орловых-Соколовых он с первого взгляда расчислил. На своей формулировке он почти настоял, что автоматически означало, что ни в какую аспирантуру их не примут.

Однако Орловы-Соколовы подтвердили свое происхождение, проявив сатанинскую хитрость: выяснилось, что Андрей, получивший в свое время квалификацию судьи по боксу, оказывал судейские услуги на кафедре физвоспитания, а Таня, еще того хитрей, уже два года как вела гимнастический кружок в подшефной университету школе. Все с расчетом, конечно. Но спортивная кафедра написала им роскошные бумаги на бланке, свидетельствующие об их активном участии в общественной жизни. И Порошко утерся, а заодно и утвердился во всеильности жидомасонского заговора.

Орловы-Соколовы. Людмила Евгеньевна Улицкая ulitskaya@ludmila.ru
С кристаллами, со своей стороны, все обстояло как нельзя лучше. Занимались они входящей в моду симметрией, а там, в кристаллах, с симметрией происходили всякие восхитительные вещи. Андрей строил какие-то модели, их отражал, переворачивал, и в перелицованном виде, когда правое должно было стать левым, происходила всегда какая-то маленькая заминочка, тоненькое расхождение, которое разглядел когда-то заведующий кафедрой, и теперь это до безумия волновало Орловых-Соколовых, и они сидели до поздней ночи и работали не из корысти, а из азарта и страсти.

Оба аспирантских места, отпущенные на кафедру, вполне заслуженно были предназначены им. Все это знали. Однако в конце мая, уже после защиты дипломов, одно из мест у кафедры забрали. Заведующий, человек порядочный и умный, вызвал Орловых-Соколовых. Он ценил ребят и понимал, какое это для них испытание. Он уже приготовил хорошее стажерское место в одном из академических институтов по той же тематике и, в сущности, под своим же крылом. И теперь он решил, что даст им выбрать, хотя сам бы предпочел оставить в аспирантуре Андрея.

Они выслушали, переглянулись и поблагодарили. Попросили дать день на решение. Молча дошли до метро. Оба понимали, что аспирантура будет Андрею, но каждый оставлял ход другому. Возле метро Андрей сдался:

- Выбирать будешь ты.

С виду это выглядело благородно.

- Я уже выбрала, - улыбнулась Таня.

- Вот и хорошо. Остальное будет мое.

Они друг друга стоили. Никто и бровью не повел. На "Парке культуры" она боднула его стриженной головой в ухо, их тайным жестом, встала.

- Я домой.

- Мы же собирались... -Они действительно собирались вечером в гости.

- Я прямо туда приеду, попозже, - и вышла на своих высоченных каблуках.

Длинные носки ее туфель, Андрей знал, набивались треугольными ватными затычками. Обувь всегда была ей велика, трудно было купить этот редкостно маленький номер.

Куцая стопа, глубокий шрам под коленом, узкая волосяная дорожка на плоском животе, большие соски, занимающие половину маленькой груди, руки и ноги коротковаты, пальчики тоже. Изумительно красивая шея. Чудесный овал лица.

Она ушла, унесла все с собой, а он поехал домой в дурном настроении, раздраженный, обиженный. Должна же она понимать, что он... Это было то самое, о чем они никогда не говорили.

Вечером они встретились у друзей. Было скучно. На Андрея напал приступ злого остроумия, и он несколько раз присадил хозяйку дома, отчего нисколько не стало веселее. Ушли поздно, недовольные Андрей взял такси, поехали к нему. Квартира у Орловых была хоть и большая, но неудобная. Родители занимали две большие смежные комнаты, у Андрея была девятиметровка. Борис Иванович страдал бессонницей, а водопроводные трубы, подверженные эффекту Помпиду, начинали страдальчески реветь, если открыть кран. Помыться, таким образом, после того как родители укладывались, было бы бесчеловечным..

В темноте, лежа вдвоем на узеньком диванчике, не оставлявшем места для обид, он заговорил с ней, как только почувствовал, что ему ни в чем не отказано.

- Ты дура, Танька. Я же мужик. Ты на меня ставь. Не пузырься. Я люблю тебя. У нас же все, все общее.

Она ничего не отвечала - общность их была наиполнейшая. Когда же она исчерпалась, Таня сказала грустным и пустым голосом:

- Кажется, я опять влипла.

Орловы-Соколовы. Людмила Евгеньевна Улицкая ulitskaya@ludmila.ru
Он зажег свет, закурил. Она укрылась от света в подушку.

- Ну, вот мы и приехали. Я так считаю. Рожай. Девочку, ладно?

- Ага. Тебе аспирантура, а мне девочка с пеленками...

Она никогда не плакала. Но если бы заплакала, то именно сейчас. И он это понимал.

Таня оформилась на работу в академический институт, сделала аборт и собралась на юг. Андрей остался сдавать приемные экзамены в аспирантуру. Перед отъездом они подали заявление в загс. Андрей считал это необходимым. Настроение все равно было паршивое. Каждый из них делал не совсем то, чего хотел, и раздражался в душе на другого.

Андрей провожал ее на вокзал. Ехала она не одна. Часть их компании уже была в Коктебеле, теперь ехали остальные, весело, с комфортом, взяв с немислимой в те времена переплатой два отдельных купе.

Они поцеловались на перроне, и она поднялась на ступеньки вагона. Изогнувшись, она помахала ему рукой. Так она и запомнилась ему в эту последнюю минуту их совместной жизни: в красной мужской рубашке с не застегнутыми на запястьях пуговицами, с распушенным, бессмысленно длинным шарфом на тонкой шее... Это был ее собственный шик, она начинала носить что-то особенное, свое, - и все за ней повторяли.

Поезд уже тронулся, и он крикнул ей вслед:

- Смотри ты там в Витеньку не влюбись!

Это была постоянная шутка их компании. Начинающий писатель Витенька входил в моду, и девушки вились вокруг него густым роєм.

- Если влюблюсь, немедленно сообщу! Телеграфом! - крикнула Таня, уже двигаясь в сторону юга.

К Орлову Андрею Соколова Таня больше не вернулась. Она позвонила ему десять дней спустя, ночью, разбудила Бориса Ивановича, который наутро Андрею высказал все, что он о нем думал. Но это значения уже не имело.

Таня сказала Андрею, что к нему не вернется, и вообще, неизвестно, вернется ли в Москву. И что сейчас она едет в совсем другой город. И вообще - привет!

Прекрасно понимая, что именно и почему это произошло, Андрей сказал сонным голосом:

- Спасибо, что позвонила, Тань.

Она немного помолчала в трубку и сдалась:

- Как экзамены?

- Нормально.

И опять она помолчала, потому что все-таки не ожидала от него такого хладнокровия:

- Ну, пока.

- Пока.

Трубку первым повесил он.

Алла Семеновна прибежала к Галине Ефимовне. Они были уже слегка знакомы, но не испытывали друг к другу большой симпатии. Галине Ефимовне, вообще говоря, не нравился Андрей, а Алла Семеновна, заранее готовая к родственной дружбе, не увидев со стороны тещи большого энтузиазма, надула губы. Борис Иванович к этому времени как раз выяснил в Академии насчет кооператива, и получалось

Орловы-Соколовы. Людмила Евгеньевна Улицкая ulitskaya@ludmila.ru довольно складно – квартиру можно было оформить на Таньку, раз она теперь тоже сотрудник Академии... И вдруг этот телефонный звонок, когда все уже решено и даже заявление подано... Андрей лежит целыми днями на диване и курит. Ну что же он, виноват, что место оказалось только одно?..

– Да Танька, с ее-то способностями, еще раньше Андрюшки защитится... лопотала Алла Семеновна.

Галина Ефимовна только хлопала глазами: она не знала ни о телефонном звонке, ни об изменившихся Таниных планах. Она так искренне и глубоко огорчилась, что добрая Алла Семеновна с ней мгновенно внутренне примирилась. Да и что им было делить? Им предстояло вместе внуков растить, ну уж совсем было... Уговорились, что Галина Ефимовна даст знать Алле Семеновне, когда Таня объявится.

...Объявилась Таня через несколько дней, по телефону. Объявила матери, что все отлично, что звонит не из Крыма, а из Астрахани. Слышно было плохо, Таня обещала написать длинное и сногшибательное письмо, Галина Ефимовна попыталась прокричать что-то про Андрея, но тут прервалась связь.

"Вот именно, вот именно, прервалась связь", – думала Галина Ефимовна, и ей было страшно за Таню: как резко она движется, как неосторожно живет... Почему Астрахань? Зачем Астрахань?

Под Астраханью, в рыбацьем поселке, затерявшемся в плавнях, жили родственники писателя Витеньки. Отец его, заместитель директора чудесного заповедника Аскания-Нова, был из местных, выдвигенец, умер несколько лет тому назад, но осталась куча простоволосой родни. Свои первые рассказы и повесть Витенька и выудил в тех краях, в Ахтубе.

Поселок был браконьерским раем, царством рыбы и икры, мелкой воды и глухого тростника. Каждый пацан гонял на моторке, как на велосипеде, и Таня со своим писателем, рванув мотор, улетали ранним утром к дальней песчаной отмели, выше по течению, и она только диву давалась, как в глухом тростнике, в неопределенных рукавах без опознавательных знаков он находил дорогу и вывозил ее каждый раз к длинному, в форме ложки с тонким черенком, острову с круглым песчаным пляжем, черпающим волжскую воду.

Горячий желтый песок, несчитанные тысячи мальков на отмелях и новая любовь с этим огромным, под метр девяносто, человеком. Все устройство его было другое – и хорошо, и отлично, хотя не совсем впопад, не совсем в ногу, но это мелочи, потом отладится... Он все дивился ее малости, ставил на ладонь ее короткую ступню, и она терялась в его руке. Он был, несмотря на свои тридцать, довольно заезженный мужик, часто менявший женщин от небезосновательной неуверенности, а с этой малявкой он был гигант, и приключение их было острым: она как-никак бросила жениха. А оттого что Витенька прекрасно знал Андрея, симпатизировал ему как младшему товарищу, всегда проигрывал ему в преферанс и не раз в его доме напивался, все делалось еще острее.

И волосы еще не успели как следует отрасти на Танькином бритом лобке, как почувствовала она: снова забеременела.

"И вот теперь-то я рожу", – торжество радостной мести наполняло ее.

Почти месяц они с писателем провалялись на песке. Запах рыбы стал Тане невыносим, а картошка в этих местах была куда ценнее осетрины.

Он клал руку на ее втянутый живот – и куда же это все поместится? Ребенок-то будет большой! – беспокоился он.

То, что происходило внутри ее живота, его дико интересовало, и он уже любил то, что там, в животе, жило, и тревожился, и засыпал, укладывая всю Таньку себе на плечо и ладонью запечатывая щекотно покалывающий мускулистый вход и выход.

Они расписались в поселковом загсе в пять минут. Подружка двоюродной сестры заведовала этим скромным учреждением. Никакого заявления они не подавали, просто зашли с паспортами, заплатили рупь двадцать и получили брачное свидетельство и лиловую печать. День, конечно, был тот самый, на который было назначено ее бракосочетание с Андреем.

Мысль об Андрее Таня гнала прочь. При этом все время возникало: "О, не забыть сказать!"...

Загоревшая, сбросившая обожженную кожу и снова загоревшая, Таня вернулась в Москву только к середине августа. Без всякого предупреждения она прямо с вокзала привела Виктора домой и объявила Галине Ефимовне:

- Мамочка, мой муж. Виктор.

Галина Ефимовна оторопела: "Ну Таня! Что хочет, то и делает!"

Он не был особенно хорош собой, этот муж: простонародное лицо, надвое надо лбом распадающиеся слабые волосы, грубые надбровья. Ростом был велик, что на маленьких женщин производит большое впечатление. Речь же его была неожиданно интеллигентная, держался он хорошо.

Галина Ефимовна с чайником отправилась на кухню и долго не возвращалась. Когда Таня пришла за ней и за чайником, мать горько плакала на скамеечке возле ванной: Андрюшку жалко!

Газ под чайником забыла зажечь.

Началась сложная и нешуточная жизнь. Таня вышла на свою первую работу. В тот же день приехал в институт Андрей. Встретил. Он не знал, что Таня вышла замуж. Таня с Виктором общим друзьям ничего не сказали: брак пока был тайным.

- Пойдем куда-нибудь посидим, - предложил Андрей.

- А вот лавочка, - и Таня села на ближайшую лавочку.

Он сказал, чтобы она кончала валять дурака. Она сказала, что вышла замуж.

- За Витьку? - догадался он, потому что оба они одинаково понимали в законах симметрии.

- Да.

- Ну хорошо, тогда поедem к нему и заберем твои вещи, чтобы не оставалось никаких двусмысленностей, - предложил он так уверенно, что Таня на миг допустила, что именно это и сделает сейчас.

- Я беременна, Андрей.

- Это неважно. Сделаешь еще один аборт. Последний раз, - пожал плечами Андрей. Это было уже на пределе.

- Нет, - мягко сказала Таня. - Больше не могу.

Он вытащил сигарету и закурил.

- И все это из-за говенной аспирантуры? - спросил он, как ударил.

Но Таня слишком много и сама об этом думала. И более того, она уже знала, что скоро уйдет из этого института, что кристаллы ей были интересны, только пока рядом был Андрей, а теперь все это треснуло и обвалилось, и ей совершенно безразлично, по какой это причине в одной друзе кристаллы рождаются правовращающими, а в другой лево... Она еще не знала, что из двух мальчиков, которых она родит, один будет левшой... Странно, странно, восхитительно...

Там был какой-то сбой и случайность: если бы Андрей сказал ей: "Аспирантура твоя, а я иду в стажеры" - что, кристаллы остались бы живы?

Был в судьбе какой-то сбой, непорядок, но все уже произошло. И что теперь говорить!

И она встала, поставила палец ему на макушку и повела вниз, через лоб, к подбородку. Поставила там точку:

- Нет, Андрей, нет. Амур пердю...

В следующий раз они встретились через одиннадцать лет, на крымском берегу, в том же месте, куда приезжали в юности.

Это были остатки их прежней компании, хотя физик уехал в Америку, идеальной супружеской пары уже не было, так как он погиб в автомобильной катастрофе, а у нее была другая, еще более идеальная семья. Зато были другие, вполне симпатичные люди. Через общих знакомых они знали заранее, что увидят друг друга в этот сезон.

Андрей был с женой и пятилетней дочкой, Таня - с двумя десятилетними близнецами, тощими очкариками, уже ее переросшими. Муж ее остался в Москве писать роман из жизни рыб. Про всех остальных животных он уже написал такой у него был способ борьбы с действительностью, впрочем, весьма далекий от "Скотской фермы".

Таня меньше изменилась, чем Андрей. Он растолстел, что при его росте было непозволительно, стал доктором наук. Таня больше не носила бикини, а, напротив, носила закрытые купальники, потому что ее когда-то очаровательный живот был расплосован грубыми советскими швами, оставшимися после кесарева сечения. В остальном она была все та же: ходила по пляжу на руках, носила экстравагантные наряды и в туфли по-прежнему набивала комочки ваты.

Все были с детьми. Ходили в ближние и дальние бухты, учили детей плавать и играть в преферанс. Общались Андрей с Таней исключительно на людях, при большом стечении народа и не сказали друг другу ни одного человеческого слова. Таня время от времени ловила на себе тревожный взгляд Ольги, Андреевой жены, но это ее только забавляло. Ольга была высокая, с заметной фигурой, почти красавица, из породы милых дур. Он на нее время от времени цыкал, а она хлопала тяжелыми от туши ресницами и надувала губы. Девочка у них была прехорошенькая...

За несколько дней до отъезда все решили пойти с ночевкой в Чаечью бухту. Дети обожали такого рода развлечения. Таня заранее объявила, что не пойдет, но сыновья ее так просились, что идеальная семья взяла их с собой, на свою ответственность. Их сын, сверстник Таниных, очень убивался, что лучшие друзья не пойдут. Таня, уставшая от людей, решила провести сутки в одиночестве, отдохнуть от непрерывного трепа. Сговора никакого у них с Андреем не было, и она даже не знала, что он тоже остался, не пошел со всеми.

Отправив ранним утром детей, Таня весь день провалялась с Томасом Манном в душевой комнате, засыпая, просыпаясь и снова засыпая. Только под вечер встала, вымылась под душем нагретой за день водой, побрила подмышки, сделала маску из переросшего хозяйского огурца, сварила себе кофе и села за садовым столом с чашкой. Тут и пришел Андрей:

- Танька, что делаешь?

- Утренний кофе пью. Налить чашечку? - непринужденно ему ответила и поняла, что весь месяц ждала этой минуты.

- Я кофе не пью. У меня от него в ушах шевелится, - была у них такая фразочка раньше. - Давай примем местных напитков...

И они пошли к бочке. Таня, болтая расстегнутыми рукавами белой мужской рубашки, была легкой и веселой. Они выпили алиготе, потом портвейна, потом липкого кокура, все оттягивая минуту, которая уже стояла за спиной.

Все снимали комнаты у хозяев, один Андрей жил по-генеральски, в маленьком отдельном домике на территории военного санатория, у главврача, уступившего ему служебное помещение за большие деньги.

Они шли по набережной на расстоянии тонкого волоса друг от друга, разговаривая приблизительно о погоде, и тоненькая корочка над бездной еще держала их тела, но сильно прогибалась. Они уже обошли все бочки и шли к санаторию, а вовсе не к Таниному жилью. Вошли в служебный вход, по шуршащему гравию прямо к маленькому домику в розовых кустах. Дверь не заперта, свет не зажигается.

Орловы-Соколовы. Людмила Евгеньевна Улицкая ulitskaya@ludmila.ru
- Только умоляю: ни одного слова...

"О-о, как я забыла... за передними зубами металлическая скобка, зубы-то выбиты... нет, не забыла, язык сюда, под скобку..."

Бедный мой любимый дом, брошенный, отданный в чужие руки... крыльцо... и ступени, и двери... Стены твои, твой очаг... Что ты наделала... что ты наделал... Вместо теперешних трех мог быть один, совсем другой. Или не один... что мы наделали...

Это не какие-то две глупые клетки рвутся навстречу друг другу для бездумного продолжения рода, это каждая клетка, каждый волосок, все существо жаждет войти друг в друга и замереть, соединившись. Это единая плоть вопит о себе, горько плачет...

Горько и бессловесно плакала плоть до утра. Потом опомнилась. У них еще был целый день до вечера. Они поели и легли под мятую простыню. Таня провела пальцем от макушки до подбородка.

Андрей очень явственно видел, как это происходит: все возвращаются из бухты, собирают вещи, едут в Москву. Он отвозит своих домой, а сам съезжает на дачу с Танькой и ее мальчишками... Зимой холодно. Машина увязает в сугробах. Деревянной лопатой прочищает дорожку к воротам... Отвозит мальчиков в школу... Ольга с дочкой... совершенно непонятно, как... Тащит Верку в детский сад...

...Витька, конечно, съедет. И даже рад будет. Уйдет к какой-нибудь Регине. Трудно представить себе Андрея в нашем доме... Свой красный махровый халат он, наверное, уже износил... По утрам кофе не пьет, чай... Кристаллы, да еще и кристаллы... Вот это, может, самое главное, с ними-то как быть...

И Танька этого хочет больше всего на свете, он это точно знал. Потому и молчал. И она молчала. И опять не выдержала она:

- Ну что?

Это можно было понять как угодно, например, пора сматываться...

Плоть уже закончила свои последние стоны. Какая у Ольги дивная фигура, грудь, талия, ноги... Нет, это не работает... Провел пальцем по Таниному лицу:

- Амур пердю, вставай...

Она легко вскочила, засмеялась, закрутила головой. Прежние короткие волосы шли ей больше.

- Нет, не обманешь. Не пердю.

- А хули толку, Таня?

Она надела белую рубашку, вскочила на высоченные каблуки и ушла.

Ольга наутро мела дом. Выбила веником откуда-то из угла ватный треугольничек:

- Что за гадость...

Андрей взглянул мельком: о, дура недогадливая... да и откуда ей знать, когда у нее тридцать девятый...

- Что-то отдых мне надоел... Может, отвалим пораньше, а? Скажем, завтра?

Ольга была сговорчива:

- Как хочешь, Андрюша...

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://ulitskaya@ludmila.ru/> приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

Орловы-Соколовы. Людмила Евгеньевна Улицкая ulitskaya.ludmila.ru
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!